

JADWIGA KOZŁOWSKA-DODA ▶▶

Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7567-178X>

Представление о РОДИНЕ жителей белорусско-польско-литовского культурно-языкового пограничья (на материале польских периферийных говоров)

Imagination of the HOMELAND of the inhabitants of the Belarusian-Polish-Lithuanian cultural and linguistic borderland (based on the material of Polish peripheral dialects)

Abstract

The article discusses the concept of HOMELAND based on the material of Polish peripheral dialects on the territory of Voronovo district, Belarus. As a context, the author used selected dictionaries of other researchers of the “Polish language of Borderlands” in the Belarusian-Polish-Lithuanian borderlands, narratives of the inhabitants of the Myadel region (Belarus), memories of emigrants from the Vilnius region (Lithuania), as well as residents of Podlasie, Warmia and Mazuria (Poland). The author collected the material as records of continuous texts on various topics, it was not a purposeful study of vocabulary and semantics on the topic of the homeland. The method of cognitive definition proposed by Jerzy Bartmiski, which provides for the reconstruction of the “mental object”, i.e. the maximum set of characteristics fixed in the language, was used in the article.

As a result of the analysis of the material, similar features, indicated earlier by the researchers of this borderland, were found. Among the components of the imagination of HOMELAND, in the first place there was a warm attitude to native places (the

emotional connection of a person with the place of birth and the period of childhood and ancestors (including the deceased, the cemetery). The importance of the place of residence and neighbours (their own, ours, etc. people with similar experience), as well as religion (their own and neighbouring parishes, the cult of the Virgin Mary) was also emphasized. Less often, but expressively accentuated cultural (for example, traditions and language) and everyday signs of the concept (stability; private property; homeland where you can live). At the same time, more expressive than in other works, sketching of the ideological homeland by local residents was noticed (for the older it is the Second Polish Republic, for the younger – Belarus). According to the author, this is explained by the fact that among the respondents were, among other things, the residents whose ancestors participated in the uprising of 1863, fought with the Bolsheviks in the Polish-Soviet war, as well as those associated with the Home Army. In addition to the traditional point of view of an ordinary peasant/ petty nobleman, the perspective of a patriot not only of a “small homeland”, but also of a non-existent state (Second Polish Republic) is also considered.

Keywords: Belarusian-Polish-Lithuanian Borderland, Polish peripheral dialects, homeland, Belarus, cognitive definition, oral history

Представление о РОДИНЕ жителей белорусско-польско-литовского культурно-языкового пограничья (на материале польских периферийных говоров)

Аннотация

В статье рассматривается понятие РОДИНА на материале польских периферийных говоров на территории Вороновского района Беларуси. Контекстом автору послужили избранные словари других исследователей «польщизны кресовой» на белорусско-польско-литовском пограничье, нарративы жителей Мядельщины (Беларусь), воспоминания эмигрантов из Виленщины (Литва), а также жителей Подляшья, Вармии и Мазур (Польша). Материал автором собирался как записи сплошных текстов на разные темы, а не как целенаправленное исследование лексики и семантики на тему родины. В работе используется предложенный Ежи Бартминьским метод когнитивной дефиниции, который предусматривает реконструкцию «ментального предмета», т.е. максимального набора характеристик, закрепленных в языке.

В результате анализа материала обнаружены подобные признаки, указанные ранее исследователями данного пограничья. Среди составляющих воображение о РОДИНЕ на первом месте оказалось теплое отношения к родным местам (эмоциональная связь человека с местом рождения и детского периода) и предкам (в том числе умершим, кладбище). Подчеркивалось также значение места

проживания и соседей (своих, наших и т.д. людей с подобным опытом), а также религии (свой и соседние приходы, культ Девы Марии). Реже, но выразительно акцентированы культурные (например, традиции и язык) и бытовые признаки понятия (стабильность; частная собственность; родина там, где можно жить). Одновременно замечено более выразительное, чем в других работах, выделение местными жителями идеологической родины (для старших это II Речь Посполитая, для младших – Беларусь). По мнению автора это объясняется тем, что среди респондентов оказались, между прочим, жители, чьи предки участвовали в восстании 1863 г., воевали с большевиками в польско-советской войне, а также связанные с Армией Крайовой. Кроме традиционной точки зрения обычного крестьянина/мелкого шляхтича, рассматривается и перспектива патриота не только «малой родины», но и несуществующего государства (II Речи Посполитой).

Ключевые слова: белорусско-польско-литовское пограничье, польские периферийные говоры, родина, Беларусь, когнитивная дефиниция, устная история

Введение

В статье на тему белорусской революции 2020 г. антрополог Анна Энгелькинг затронула проблему ценностей жителей Беларуси. Автор утверждает, что для белорусов не важны идеологические понятия: народ, язык, родина, государство¹ – идеологические ценности, на которых основаны современные общества, т.е. народы:

Wśród wartości naczelných konstytuujących poczucie tożsamości dawnych muzyków, a dziś już postkościołników, których życie toczy się w lokalnych rodzinno-sąsiedzkich wspólnotach, nie znajdujemy ani narodu, ani ojczyzny, ani państwa, ani języka. Nie znajdujemy więc wartości ideologicznych, na których ufundowane są nowoczesne wspólnoty wyobrażone zwane narodami, (...) (Engelking, 2023).

¹ Согласно положениям люблинских этнолингвистов в тексте различаются лексемы как единицы плана выражения и понятия/концепты/идеи – как единицы плана содержания. В соответствии с этим принимаются определенные правила графического оформления: лексемы записываются курсивом, концепты – малыми прописными буквами (капителью).

Более того, исследовательница считает, что все жители Беларуси независимо от их места проживания (деревня это или город) расценивают свою идентичность, в первую очередь, как человеческую категорию, а национальная идентичность, чаще всего, их не интересует:

(...) identyfikacja państwowa traktowana jest jako niepodlegająca refleksji administracyjna oczywistość, natomiast tożsamość narodowa z towarzyszącymi jej ideologiami pozostaje z reguły poza polem zainteresowań (Engelking, 2023, s. 176).

Схожие мысли высказывает в интервью в «Радио Свобода» историк Олег Латышонок – автор монографии *Europa Wschodnia w zderzeniu cywilizacji* (Łatyszonek, 2022), который полагает, что в 2020 г. в Беларуси имела место цивилизационная революция. По мнению ученого, заговорили люди, которые хотят жить согласно принципам, сформированным западной цивилизацией, но это еще не “национальная революция” (Абламейка, 2022).

Исследования белорусского понятия ДОМ также показали, что трактовка его как идеологической родины в материале была представлена весьма скромно. В ответах на вопрос анкетирования о “настоящем доме” идеологический аспект вообще отсутствовал.

Никто из респондентов не написал, что дом не будет настоящим в чужой стране или в условиях отсутствия своих культурных традиций и белорусского языка – этот факт не внушает оптимизма в государстве, где национальный язык и культура основного этноса находятся под угрозой исчезновения. Данный результат подтверждает сформулированный 20 лет назад тезис о слабом национальном сознании белорусов, свидетельствует об отсутствии необходимости активно использовать национальный язык не только в собственном независимом государстве, но и в собственном жилище, а также о прочной взаимосвязанности со своим «уголком», домом, который означает в первую очередь малую родину (родительский дом, родной угол), а не Родину (страну) (Казлоўская-Дода, 2015, с. 67, перевод наш; ср.: Прохарава, 1993, с. 141–156).

Методологические замечания

Целью исследования является ответ на следующие вопросы: как выглядит категоризация понятия РОДИНА жителями приграничных территорий, какие свойства ему приписываются и насколько образ родины на польско-белорусско-литовском пограничье однороден? Материалом для рассуждений в данной статье послужили нам собственные записи на территории Вороновского района Беларуси, расположенного на самой границе с Литовской Республикой. Наш материал частично представлен в монографии, в том числе на тему родины (Kozłowska-Doda, 2021, с. 88–90).

Исходя из поставленных целей, мы обратились также к записям коллег лингвистов, которые занимаются польскими периферийными говорами в северной части “восточных кресов”. Мы выбрали несколько изданных в последнее время публикаций, в том числе: воспоминания, собранные в первом томе коллективной монографии *Brasławszczyzna. Pamięć i współczesność* (Smułkowa, 2011a), *Słownik polszczyzny gwarowej Brasławszczyzny* Януша Ригера (Rieger, 2014), а также *Słownik mówionej polszczyzny północnokresowej*, составленный Иридой Грек-Пабисовой, Малгажатой Острувкой и Мирославом Янковьяком (Grek-Pabisowa, Ostrówka, Jankowiak, 2017). Мы проследили также нарративы из монографии Анны Жебровской (Żebrowska, 2019), некоторые воспоминания бывших жителей Виленщины (Dunin-Horkawicz, 1991; Miłosz, 1996), а также жителей Подляшья (Sajewicz, 1993; Engelking, 2005) и Вармии и Мазур (Chłosta-Zielonka, 2014).

Во время полевых исследований на Вороновщине в Гродненской области Беларуси в период 1997–2017 гг. нами были записаны десятки историй отдельных жителей (в сумме 65 часов записей с 37 респондентами), отражающих их разнообразный жизненный опыт: переживших депортацию (например, в Казахстан), репатриацию – семьи некоторых выехали в послевоенное время в Польшу, а также принявших решение, несмотря ни на что, остаться на своей земле. Мы разговаривали, в основном, с представителями последней группы, но они делились своими рефлексиями на тему двух других групп населения. Образ поведения и этнические стереотипы (поляков, литовцев, евреев, белорусов, цыган,

немцев, татаров, русских) в наших записях устной истории носят коллективный характер, однако они не всегда однородны².

В данной статье мы используем метод когнитивной дефиниции, разработанный Ежи Бартминьским и его сотрудниками (Бартминьский, 1988/2005). Язык (речь) является здесь инструментом познания и интерпретации реального окружающего мира. Когнитивная дефиниция позволяет понять способ восприятия предмета пользователями данного языка:

Когнитивная дефиниция должна включать все компоненты, закрепленные в сознании носителей языка (выраженные либо позволяющие себя выразить в языковом тексте) и располагать их так, чтобы они были адекватны структурам именно этого “наивного” сознания. (...) дефиниция – это своего рода рассказ о мире, опирающийся на тщательно извлеченные из источников и составленные в виде «фасет» народные высказывания (квазицитаты) (Бартминьский, 1986/2005, с. 27).

Внимания заслуживает и упомянутый выше термин *фасета*. Польский *faseta* (из англ. *facet* < франц. *facette*) – это термин метаязыка этнолингвистического описания стереотипов/концептов, элемент структуры культурно-языкового стереотипа/концепта, это своего рода проекция точки зрения субъекта на объект; подкатегория/аспект сознания; «пучок суждений об объекте». Термин используется для обозначения однородных комплексов признаков, приписываемых предмету в толковании; термин Анны Вежицкой, широко употребляется также в трудах Е. Бартминьского и его школы (Бартминьский, 1986/2005, с. 27; 1990/2005, с. 98; Бартминьский, Небжеговска, 1998/2005, с. 108–110). Следовательно, в старших работах Е. Бартминьского *фасета* является синонимом *аспекта*, который объединяет признаки предмета. Наиболее частотные фасеты/аспекты показывают степень закреплённости

² История, идентичность, язык, а также оценки основных человеческих и идеологических понятий общественности в Вороновском районе сложные и многоуровневые. Мы рассмотрели эти и другие вопросы на примере нарративов жителей окрестностей Дотишек (Kozłowska-Doda, 2021, с. 16).

того или иного признака в данном языке (Бартминьский, 1994/2005, с. 262).

Немного иначе трактует *аспект* Малгожата Бжозовска, которая подвела итоги анкетирования в 1990–2000 гг., проведенного люблинскими этнолингвистами. Исследовательница рассматривает его «как сферу, выделенную с определенной точки зрения» (Brzozowska, 2006, с. 40), предлагая отличать целый комплекс аспектов, например, физический, биологический, бытовой, локативный, психический, социальный и т.д. Аспект включает дескриптивные признаки, *дескрипторы*³, объединяющие текстовые выражения (цитаты из высказываний респондентов) (Brzozowska, 2006, с. 40–43).

В настоящей статье мы стремимся показать именно разнообразие взглядов на родину среди самых старших жителей исследуемого нами пограничья. Обобщение и реконструкция единого коллективного взгляда, как нам кажется, не являются возможными⁴. С одной стороны, культурная память предлагает определенную информацию об окружающем мире, с другой – человек, на основании рассказов родных, доступных в медиа и литературе сведений, своей интуиции и собственного опыта, эмоций и оценок, проверяет эти данные и формирует их заново. Е. Бартминьский пишет о определенном “варьировании” когнитивной структуры понятия, следовательно вводит термин *профилирования*, т.е. разной категоризации предмета, исходящей из разной точки зрения (Бартминьский, 1993/2005, с. 51).

Соответствующий набор аспектов и конкретных характеристик определяет профиль стереотипа (...). Они принадлежат разным наблюдателям,

³ Ср.: «Под дескриптором мы понимаем метавыражение, которое объединяет близкие или идентичные по семантике выражения. (...) Дескрипторы – это по структуре минимальные предложения или их эквиваленты (назывные/номинативные предложения)» (Brzozowska, 2006, с. 39, перевод наш).

⁴ К такому мнению мы пришли в монографии: „Niełatwo opisać tę społeczność w sposób schematyczny i uogólniony, m.in. dlatego tak rozbudowana jest część analityczna monografii. Generalizowanie powoduje przedstawienie błędnego obrazu, ponieważ wiele wyjątków nie da się umieścić w tym lub innym schemacie. Obraz badanej społeczności nie jest czarno-biały, potrzeba wielu innych barw, by wyglądał z zewnątrz obiektywnie, a z wewnątrz – nie był krzywdzący” (Kozłowska-Doda, 2021, с. 446).

разным субъектам, в том числе ребенку, взрослому человеку, семейной или локальной группе, костелу (Бартминьский, 1998/2005, с. 213).

Безусловно, определенные черты имеют большую частотность (их можно трактовать как «категориальные»), а редкие черты занимают в представлении периферийную позицию (Niebrzegowska-Bartmińska, 2017, с. 14). Об этом не раз писал Е. Бартминьский, для которого важно было попытаться расшифровать в существующей языковой картине мира богатый комплекс характеристик данного «ментального предмета»⁵ (Бартминьский, 1988/2005, с. 56).

Приведенные ниже цитаты из высказываний респондентов, которые пользуются региональным польским языком, нам показалось целесообразным перевести на язык статьи (перевод под оригиналом в квадратных скобках). Подобным образом оформлен и материал, собранный другими исследователями. Высказывания информантов приводятся в орфографической записи, отражая одновременно некоторые особенности речи жителей исследуемого пограничья. Список цитированных респондентов и пояснение сокращений находится в конце статьи.

Одним из первых исследователей, обративших внимание на понятие РОДИНА, был социолог Станислав Оссовский. В своем изданном в первые послевоенные годы трактате он писал:

Родина не является географическим понятием, которое можно охарактеризовать, не обращаясь к психическому поведению какого-нибудь коллектива. Определенная территория становится родиной только в том случае, если существует группа людей, которая в определенный способ к ней относится и определенным образом формирует ее картину. Тогда для этой группы данная территория внешней реальности наполняется определенными ценностями, которые и делают ее родиной. (...) Родина

⁵ Стремление выявить только высоко частотные черты, например, человека (стереотипное представление о нем), безусловно, позволяет определить его основные характеристики (например, свой/чужой, хороший/плохой, герой/предатель и т.д., но одновременно мы теряем другие важные для человека качества, как бескорыстие, помощь другим, забота о ближнем и т.д. (Chłosta-Zielonka, 2014, с. 14; Kozłowska-Doda, 2021, с. 446).

существует только в субъективной реальности общественных групп, которые характеризуются определенными культурными элементами. (...) Признаки родины реализуются при помощи картин, которые, произнося ее название, представляют члены определенного коллектива] (Ossowski, 1946/1967, с. 203, перевод наш).

Первые попытки описания понятия РОДИНЫ в европейских языках собраны в монографии *Pojęcie ojczyzny we współczesnych językach europejskich* (Bartmiński, 1993). Значение концепта РОДИНА весьма широкое, оно колеблется между “малой” и “идеологической” родиной, на что обратил внимание редактор Е. Бартминьский (Bartmiński, 1993, с. 11, 23–48). Образ родины имеет сложный характер (это и место, и люди, и институции, и ценности). Для одних – это более широкое, общее представление (страна, народ, соотечественники, государство, национальная культура, национальное/гражданское общество, а также Европа, мир), для других – “малая родина”, отчий дом, усадьба, деревня, город, регион с их соседско-семейным окружением и общими ценностями, например, “быть у себя”, взаимопомощь/толока как форма взаимопомощи, уважение и т.д. (Bartmiński, 1993, с. 11).

Представление о родине (на основании полевых исследований). Условия формирования представлений о родине

Среди наших респондентов – местные жители Вороновщины, которые по собственному желанию приняли польскую национальную идентичность и перешли на польский язык (Смалянчук, 2009). Даже когда национальная идентичность у местного населения еще формировалась и оно разговаривало по-белорусски (и по-литовски), многие из автохтонов, как указывают историки, открыто поддерживали “польскость” (Tarasiuk, 2007, с. 15; Łatyszonek, 1995, с. 21). Местные жители оказывали содействие польскому национальному движению против Российской Империи в период восстания 1863 г. (как действующее участие в отряде Людвика Нарбута или в качестве помощи восставшим). Отцы некоторых наших информантов участвовали в польско-большевистской войне (польско-советской войне). Некоторые брали участие сами (или же их

родные, соседи) в подпольном движении Армии Крайовой – польского вооруженного сопротивления коммунистической власти (1939–1941 и 1944–1949) и немецкой оккупации (1941–1944). Несмотря на репрессии, выступали против коллективизации, атеизации, советизации, боролись за возврат католикам костелов (Kozłowska-Doda, 2021, с. 531). В послевоенное время местным жителям, особенно молодым семьям, пришлось отказаться от использования польского языка в домашней сфере, поскольку официальным языком школы стал белорусский язык, в учреждениях – русский, а польский язык был дискриминирован. О высоком престиже польского языка в конце XIX – начале XX века, т.е. высоком уровне уважения к польскому языку, а также о переключении на польский язык, позже, после Второй мировой войны – о возврате к белорусскому говору в повседневной коммуникации мы писали подробно в монографии (Kozłowska-Doda, 2021, с. 125–130).

Трудности характеристики национальной идентичности на территории северо-западной Беларуси отмечали многие исследователи как А. Энгелькинг (2012), Э. Смулкова (2002), Э. Голяховска (2012) и многие другие. Эльжбета Смулкова подчеркивает, что понятие ПОЛЯКИ на Беларуси многоуровневое. Это и небольшие группы этнических поляков – интиллегенция и крестьяне; и местное католическое население (мелкое дворянство и, реже – крестьяне), которое было связано с польской культурой под влиянием, главным образом, исторических факторов; это и довольно многочисленные местные католики, у которых не было ничего общего с польскими традициями и культурой, однако, поскольку они исповедовали “польскую” веру, то считали себя поляками (Smułkowa, 2002, с. 553–558, 576–577).

Разные критерии формирования национальной идентичности влияют сегодня на геополитические симпатии белорусских поляков. Среди них можно выделить три группы: во первых, это белорусские патриоты, для которых центр находится в Минске (в первую очередь, это часть младшего и, частично, среднее поколение); во-вторых, это проникнутые любовью к свободе, демократии, возможности развивать национальную культуру, но также развиваться экономически, для которых Варшава, столица Польши, является сегодня основным ориентиром (главным образом, это самое старшее поколение, частично

младшее и среднее поколения). Существует и группа местных поляков лояльных к Москве – бывшей советской, а сегодня российской столице. К ней принадлежит часть среднего поколения, которое формировалось в советской средней и высшей школе, армии и на трудовых местах. Это люди, которые русифицировались и в языковом, и в культурном плане (Kozłowska-Doda, 2021, с. 140). События, наступившие после сфальсифицированных президентских выборов 2020 г., внесли коррективы в мировоззрение представленных выше групп. Ситуация еще более значительно изменилась и усложнилась после 24 февраля 2022 г., когда Россия не просто напала на Украину со своей территории, но также с территории Беларуси.

Материал для данной статьи был собран, главным образом, от людей, которые сами себя называют “давнейшими”, людей, которые родились во время Первой мировой войны и в межвоенный период⁶.

My dawniesze, ja to licze [uwazam], my dawniejsze zaż nu, bo tarażniejsze, to drugie [inni] ludzie

[мы из прошлого, я так считаю, давние мы, современные люди совсем другие]» (1999, Кив НТ)⁷.

В последующих поколениях в этой социальной группе произойдут динамичные перемены, главным образом, по политическим причинам; не без значения будут и другие факторы: демографические, общественные, культурные. Но и среди них есть личности, которые свою позицию сформировали под влиянием старшего поколения (ср. высказывание респондента 2019, Вор ГР).

⁶ Они во многом схожи с известным стереотипом „поляков с восточных окраин”, который, как обращает внимание А. Энгелькинг, следует понимать как оторванных от родины соотечественников, которым приносит утешение развитие польской культуры, глубокая привязанность к польскому языку и католической вере (Engelking, 2004, с. 232–233).

⁷ В скобках указаны: год записи, сокращенное название населенного пункта и инициалы информанта. Список респондентов, авторов приведенных в работе цитат, находится в конце статьи.

Родина – категориальные и периферийные черты

Как отметил в 1992 г. Михал Саевич, способ понимания родины зависит от уровня цивилизационного развития и национальной идентичности (Sajewicz, 1993, с. 134). Славист предлагает рассматривать понятие РОДИНЫ для каждой категории формирования национальной идентичности отдельно (Sajewicz, 1993, с. 135). В связи с этим мы остановимся, главным образом, на представлениях самых старших жителей с польской национальной идентичностью католического вероисповедования и покажем лишь определенные тенденции, которые наиболее ярко выражены в младшем поколении. Всех наших информантов объединяет одно поколение, один регион, т.е. локальность (деревня/околица⁸, регион), вероисповедование (приход), они отождествляют себя также со своей семьей и родными (дом, застенки и т.д.).

Предварительный анализ собранного материала показал, что понятие РОДИНЫ в нарративах называется с помощью следующих лексем: *родина, ойчызна, матчынна зямля, своя зямля*, это место, где респонденты проживают с рождения (*од уродзэння*).

Фасеты концепта родина

1. “пучок” признаков места (*locus*), времени (детство) и ощущений (эмоции): место рождения человека. Наиболее важным и ценным для местных жителей элементом представлений о родине является место рождения и проживания не только самого человека, но также его предков (родителей, дедов, прадедов и т.д.). Глагол *родиться* ‘быть рожденным’, во многих высказываниях появляется как синоним слова *родина*. Свидетельствуют об этом и цитаты из лексикографических изданий, например:

rodina ‘ojczyzna, kraj rodzinny, miejsce urodzenia’ [родина, родная страна, место рождения].

Wracać na rodzinę

⁸ Околица на исторической Виленщине обозначает населенный пункт, в котором проживает мелкое дворянство/мелкая шляхта.

[Возвращаться на родину];

(...) *wtedy oni wracali tu na rodzina, a niektóre i tam zostawszy się*

[тогда они возвращались на родину, а некоторые там и остались];

[Моя] *kobieta z rodziny nie chce* [выехать]

[Моя женщина из родины не хочет выезжать]; (...)

Ot i tam moja rodzina, gdzie rodila sia

[Вот там моя родина, где я родилась] (Grek-Pabisowa, Ostrówka, Jankowiak, 2017, с. 964);

Tam moja mamoczka rodziwszy sie byla, tam jejna rodzina byla

[Там моя мамочка родилась, там ее родина была] (Grek-Pabisowa, Ostrówka, Jankowiak, с. 541).

Rodzina sow. 'ojczyzna, *na rodzinę* 'do ojczyzny'.

(...) *Wtedy jak tu odbili Niemcy Sowietow, wtedy przyjechałem tu na rodz'ina*

[Тогда, когда немцы советов разбили, тогда я приехал на родину], ros.

Ródina (Rieger, 2014, с. 227).

Появляется и слово *ойчызна*, образованное от слова *ойцец/ziemia ojców*:

ojczyzna/ujczyzna 1. 'miejsce urodzenia' [место рождения]

Wtedy przyjechaliśmy już na miejsce mojego urodzenia (...) potem już tutaj na jego ojczyznę

[Тогда мы приехали на место моего рождения (...) позже уже здесь на его родину];

2. 'strony rodzinne' [родные места]

(...) *ja rodziła sie tutaj, tutaj takie Sienkiewiczzy przyjeżdżali z Wilna, toża ojczyzna ichna, to ty, ty wszystkie razem*

[...] я родилась здесь, сюда такие Синкевичи приезжали из Вильна, это также и их родина, то мы все вместе];

3. 'majątek dziedziczony po ojcu, po rodzicach, ojcowizna' [помесье, унаследованное по отцу, родителей]

Jak grzmot dał tam w drzewa na naszej ojczyźnie, i spaliła się wszystka góra

[Как гром ударил с неба в нашем помесье, сгорел целый чердак] (Grek-Pabisowa, Ostrówka, Jankowiak, 2017, с. 693).

Оба слова зафиксированы в собранном нами материале. От слова *matka* в материале выступает сочетание *matczyzna ziemia*:

oni tu pszebrali sia, siedli na matczynna ziemia

[они сюда переехали, на материнскую землю] (1999, Стам ХВ);

po macca, jej matki ziemia tut była

[по матери, ее матери здесь была земля] (1999, Мац ТМ) и т.д.

С одной стороны, это место, иначе – земля и все, что на ней находится (усадебная, дом, двор, хутор, “околица”, деревня и т.д.), позволяющие иметь стабильное материальное состояние⁹, с другой стороны, это социальное (общественное) наполнение, поскольку здесь, на этой земле, жили предки – их родители, а также деды и прадеды. Этимологически наименования связаны с глаголом *rodzić* и существительными *rod* и *rodzители* (*отец, мать*) (ср.: Ossowski, 1946/1967, с. 207). Кроме того, польское слово *rodzina* ‘семья’ созвучна с русским (с ударением на первом слоге) *родина* ‘место рождения и проживания’.

Респонденты часто подчеркивают, что это была своя земля, собственная¹⁰. От размера собственного участка земли зависел материальный статус человека (у кого-то было ее немного, у кого-то – мало, кто-то не имел вообще, т.е. был безземельный, бедный). Землю можно было получить, например, в награду за защиту государства. Земля передавалась по наследству от отца детям. На своей земле жители могли себя вести так, как считали необходимым; сами принимали решения.

⁹ Новая реальность, т.е. чужбина, не дает такой уверенности, о чем свидетельствует определение *krochki хлеба* вместо основной пищи человека – хлеба: *Dlaczego pan nie wyjechał? Tak odmówili, że nie pojedzie, wot i nie pojechał. Rzucić chleb a szukać kroszak. Pojechawszy kogo szukać? Na niemieckiej ziemi dadzo dom, to dadzo, a jak żyć? Toż kto pojechał, tam już dawali kwartiry jakie to, a szukać i... swoja zostawić i jechać. Nie pajechali i nie pajechali. I siedzimi teraz*

[Почему вы не уехали? Отказали, не поедешь, вот и не поехал. Бросить хлеб, а искать крошек. Поехать и что там искать? На немецкой земле дадут дом, так дадут, а как жить? Кто поехал, давали им квартиры какие-то, а искать... свое оставить и ехать. Не поехали и не поехали. И сидим теперь] (Rieger, 2014, с. 433).

¹⁰ С. Оссовский подчеркивает, что эмоциональная связь с землей не становится сильнее от того, что кто-то владеет ней на правах собственности (Ossowski 1946/1967, с. 215).

На своей земле жили с рождения и до смерти. Свою землю/место жительства никто просто так не покидал, другое место жительства считалось “чужим”:

swoje ziemie mieli, rozumie [свою землю имели, понимаете] (1997, Кив НТ);
przy ojcu było osiemnaście aktary ziemi [у отца было восемнадцать гектаров земли] (1999, Корк ЧЮ);

miał osiemdziesiąt aktary ziemi [имел восемьдесят гектаров земли] (1999, Корк ЧЮ);

za Polsko, chto jak chciał, tak na swojej ziemi... [при Польше кто как хотел на своей земле...] (1999, Стам ХВ);

ziemi dużo mieli [много земли имели] (1999, Мат ТМ);

to było wszystko swoje, swoja ziemia [это все было свое, своя земля] (1999, Юр ВМ);

kto na wojnie walczył, takim dawali ziemię [кто на войне воевал, таким землю давали] (2002, Чиж ЯБ);

pan bardzo dużo miał ziemi, a takie biedaki nie mieli ziemi [у пана было очень много земли, были и бедняки, которые земли не имели] (1999, Юр ВМ);

zostało się nasza [mieszkanie] na miejscu; (...) tam nasza siedziba... chata, tu tam jeszcze¹¹ stoi [Остался наш дом на месте; (...) там наша усадьба, хата, еще стоит] (1999, Ровб Зн),

tut naszy zaścianak był, Gaworskie [здесь наш застенек был, Говорские] (1999, Стам ХВ) и т.д.

Если по каким-либо причинам человек должен был покинуть родину, то стремился вернуться, например: *wtedy oni wracali tu na rodzinę, a niektórzy i tam zostawili się* [тогда они возвращались на родину, а некоторые остались там] (Grek-Pabisowa, Ostrówka, Jankowiak, 2017, с. 1396).

Бывает, что образ родных мест, который видели респонденты из окна своего дома, записался в их памяти навсегда:

¹¹ Если ударение падает иначе, чем в большинстве польских слов, т.е. не на предпоследний слог, то знаком ‘ обозначено нами ударение в слове.

tam taki las przeci okna, tam było nasze mieszkanie; w ostatku mieszkanie nasze spaliło sie

[там лес такой напротив окна, там был наш дом; в конце концов наш дом сгорел] (1999, Юр ВМ).

В основном языковые средства, которые использовались респондентами для описания родных мест, напоминают градацию, стилистическую фигуру, которая постепенно повышает эмоциональное напряжение:

Żyli wszystkie dobrze. Żywioły, ja mówia, aż ładnia popatrzeć było. Przyjdzie wieczór, to pendzo stadami j to takie stada, kolchoźnia prost wszystkie. Ludzi wszystkie w gospodarce tylie żywioły mieli. Zamożnie żyli liudzi, a teraz wiadomo jak.

[Все жили хорошо. Скота, я говорю, прямо приятно посмотреть. Настанет вечер, гонят стада и то какие стада, будто бы колхозные, т.е. многочисленные, все. У каждой семьи в домашнем хозяйстве столько скота было. Люди жили богато, а теперь известно как] (1999, Корк ЧА).

Dobrze, pani, wesoło: tyle dzieci, sad taki był śliczny pański (...), a wtedy, pani, taki śliczny, klony, kwiaty, drożki, ławki.

[Хорошо, пани, весело: столько детей, такой сад красивый у пана был (...), тогда, пани, такой красивый, клены, цветы, дорожки, лавки...] (1999, Люб БЯ).

(...) mieli bardzo wielkie mieszkanie, ładne mieszkanie, dwupiętrowe.

[у них был очень большой дом, красивый дом, двухэтажный] (1999, Юр ВМ).

Среди эпитетов, метафор встречаются самые теплые слова и выражения:

Był kraj miodem płynący. Tak u nas ładnie było. (...) Z jednej strony (...) rząd jarzębiny, z drugiej strony rząd kaliny. A wiosno jak zakwitni! Taki zapach! (...) Sad ogromny, różne jabłka (...)

[Это была страна сказочного изобилия. Так было у нас красиво. (...) С одной стороны ряд рябины, с другой калины. А весной, как все это зацветет! Такой запах! (...) Огромный сад, яблоки всякие (...)] (за: Budzko, Charytoniuk, 2011, с. 336–337).

Эмоциональная связь с местом рождения и воспитания продолжается даже тогда, когда человек с ней прощается и ее покидает. Как писал Чеслав Милош, лауреат Нобелевской премии и эмигрант из Виленщины, эмоционально отдалиться от родины можно только спустя время, а уехать необходимо чем дальше от нее (Miłosz, 1996, с. 213). О сильной тоске по месту жительства после так называемой репатриации в Польшу свидетельствует желание иметь при себе хотя бы маленький камень со своей родительской усадьбы (сакрализация земли предков):

Jedyn Jacunski księdzom nawet w Polsce, Gienik Jacunski. Przyjeżdżał tutaj do nas, u r'odzinie [mała ojczyzna], dzie ojciec żył, choć kamuszak wziął z tego placu. Powióz do Polski

[Один Яцунски даже ксендзом в Польше работает, Геник Яцунски. Приехал сюда к нам, на родину, где отец жил, хоть камешек взял с этого участка. В Польшу повез] (1999, Стам ХВ и ЯВ).

Интенсивность данной эмоциональной связи иллюстрируют рассказы о быстрой смерти, вызванной тоской и ностальгией на новом месте, например:

Kto to wiedział, pani, jak to w tej Polsce będzie. Wiozo człowieka, a dzie wiozo? Dzie jego posadzo? Masz swój kąt, swój kawalak miał kiedyś ziemi. Niczego nie żądał, to była ziemia, był kupiwszy Jej stryj wyjechał do Białost'oku. Bogu ducha oddał. A jeszcze człowiek mog żyć. Stary człowiek, chory na serce. Zażalił się, że całego życia praca zostawuje. A co ja tam najda? Może na bruku będą siedział, a chto to wiedział. I umar człowiek.

[Кто знал, пани, как в той Польше будет? Везут человека, а куда везут? Где его поселят? Есть свой угол, свой кусок земли когда-то имели. Ни в чем не нуждался, эта была земля, которую купил ее дядя, он выехал в Белосток.

Богу душу отдал. Еще человек мог пожить. Старик, с больным сердцем. Тосковал, оставив все нажитое трудом за время всей своей жизни. А что я там найду? Может бездомным буду, кто знает? И умер человек] (1999, Стам ХВ).

Другое воспоминание показывает, как молодой человек отказался воевать с немцами в составе Красной Армии, сознательно выбрав смерть рядом со своими родными, свои домом:

Brata zabili te bolszewiki. W łapankach tych, jak łapali do armiji tej radzieckiej. I on trochę chował się, ni j nie_szed prosto. Mówi: „Tu ja puję za tych bolszewików wojować?” I nie szed, chował się. (...) On mówi tak: „Zabija mnie, to koło naszego domu, ale nie pójde im służyć, i wszystko”

[Брата убили большевики. В облавах, когда ловили в советскую армию. Он немного прятался и не соглашался идти. Говорил: «То я пойду за тех большевиков воевать?» Не шел, прятался. (...) Он так говорил: «Убьют меня, так возле нашего дома, но я не пойду им служить, и все»] (1999, Мат РВ).

Человеку, как и дереву, необходимо запустить корни в земле. Более того, человек должен “сотрудничать” с землей, на которой он живет, только тогда эта земля будет ему близка и по-настоящему “своя”. С. Оссовский писал о “личной связи между человеком и предметом, зависимости такого рода, когда предмет, который мы называем своим, является в определенном смысле продолжением нашей личности”, в результате чего “предмет срастается с нашей личностью” (Ossowski, 1946/1967, с. 214, перевод наш). Мы также писали о значении обживания нового дома, а также нового места на примере жителей этнических белорусских земель (Казлоўская-Дода, 2015, с. 97–98, 139–146; Kozłowska-Doda, 2019, с. 149–170). Об этом можно прочитать также в воспоминаниях жителей других приграничных территорий, например, варминско-мазурский общественный активист Сервильян Рыбацки таким образом повествовал об участии в обживании нового места жительства своего и последующих поколений:

(...) ziemia ta [warmińsko-mazurska] jest dla nas, którzy przybyliśmy tu pierwsi, ale i dla naszych dzieci i wnuków bliską, drogą i swoją.

W wieloletnią pracę na niej włożyliśmy dużo serca, wiele trudu, poświęcenia i nadziei, że po nas podejmą ją nasi następcy – (...)

[(...) эта земля для нас, которые прибыли сюда первыми, но также и для наших детей и внуков близка, дорога и своя. В многолетний труд мы вложили много сердца, множество усилий, самоотверженности и надежды, что после нас наши преемники его продолжат (...)] (Rybacki, 2014, s. 61, перевод наш).

Как отметил Чеслав Милош,

“Zakorzenie” jest zapewne stałą potrzebą natury ludzkiej. Może łączy się to jakoś z prawami ludzkiego organizmu, a ściślej, z prawem rytmu. To, co znane i swojskie, pozwala utrzymać ten sam rytm wewnętrzny, o którym mało wiemy, co nie znaczy, że nie istnieje. Zamiana środowiska powoduje zakłócenie rytmu i duży wydatek energii na przejście do rytmu nowego. Nie ulega wątpliwości, że przywiązanie ludzi do miejsc jest wysoce tajemnicze i pozwala na różne interpretacje. Pewnie mieliby tu coś do dodania naukowcy zajmujący się obyczajami zwierząt i ptaków, zwłaszcza ścisłą terytorialnością każdego przedstawiciela gatunku i obroną własnego terytorium. Osiedłość wtedy byłaby przyrodzona, a upowszechniony w tym stuleciu los wygnańców oznaczałby dla ludzi zakłócenie naturalnego ładu

[«Укоренение» является, видимо, постоянной потребностью человеческой природы. Возможно, это связано каким-то образом с законами человеческого организма, а точнее с законом ритма. То, что знакомо и свое, позволяет поддерживать тот самый внутренний ритм, о котором мы мало знаем, но это не значит, что его нет. Смена обстановки вызывает нарушение ритма и требует больших затрат энергии на переключение на новый ритм. Несомненно, привязанность людей к месту весьма таинственна, потому ее можно по-разному трактовать. Ученые, изучающие поведение животных и птиц, наверное, могли бы что-то сюда добавить, особенно если речь идет о строгой территориальности каждого представителя вида и защите ними собственной территории. Оседлость тогда была бы естественной, а судьба

изгнанников, очень частая в данном столетии, означала бы для людей нарушение естественного порядка] (Miłosz, 1996, с. 212–213, перевод наш).

2. Биологические признаки, переплетенные с локативными: предки и место их захоронения. Сакральный характер имеют в представлениях жителей пограничья и места, причем не только те, где живут их родные и близкие, но также где они похоронены. Для респондентов лежать рядом с предками на одном кладбище – это вековой порядок.

Ja na mamu mówię: „Jedźmo, jedźmo” – „Ach ty durań, powiozła kości swoje dzie na polskie pola chować? Ja w Naczu pochowam się przy baćku [ojcu]”. I nie pojechała [Я маме говорила: «Давай поедem, давай поедem» – «Ах ты, дурочка, я повезу свои кости куда-то на польские поля хоронить? Меня возле отца в Наче похороните». И не поехала] (1999, 1999, Люб БЯ).

Кладбище – это место размышлений о жизни, о смерти, о близких – о тех, кто умер и кто еще жив. Это место, которое учит смирения (Sajewicz, 1993, с. 137). Местные жители старшего поколения убеждены, что человек должен умереть дома или рядом с ним:

On mówi tak: „Zabija mnie, to koło naszego domu, (...)”
[Он говорит так: «Убьют меня, так возле нашего дома, (...)»] (1999, Мат РВ).

3. Религиозные признаки: приход (свой и соседние приходы). Подобным образом как идентичность, непосредственно связанная с вероисповеданием, родина местных жителей также тесно связана с католическим костелом и верой в Бога. Христианская традиция на северо-западе Беларуси очень сильная. Здесь реже, чем на востоке страны, слышится о заговорах и суевериях, хоть они тоже существуют.

Местности, в которых нами проводились исследования, принадлежат к трем католическим приходам¹²: зйшицкий (в настоящее время часть его

¹² На роль католических приходов в формировании локальной культуры обращает внимание социолог и историк культуры Станислав Секерски (Siekierski, 1995).

территории принадлежит дотишскому приходу), начский и радунский. Значение прихода для местных жителей закреплено в способе словообразования, т.е. от названия прихода образуется название жителей: *ejszyskie (dociskie), nackie* и *raduńskie ludzie* (Kozłowska-Doda, 2021, с. 47)

Костел – это место, свидетельствующее о продолжительности традиции. Здесь через крещение человека вводят в местную общину, молодые сочетаются сакральным браком, а умершего отпевают, над ним молятся и с ним прощаются после смерти. Костел был и есть местом встреч во время воскресной службы и католических праздников. Литургическим языком католической церкви до Второго Ватиканского собора (1962–1965) был латинский язык. Молились же местные католики при помощи *кантычек* – книг, в которых ход службы был описан по-польски. Сегодня в некоторых храмах проводятся и белорусскоязычные службы. Литовский язык, который накануне Второй мировой войны использовался гораздо шире (например, в Наче, Радуня, Оссове, Жирмунах), сегодня употребляется во время службы всего лишь в Пелясе.

Праздничная служба длилась дольше нежели в обычное воскресенье, в XIX – начале XX вв. даже около 2–3 часов. В молитвах делались перерывы, в это время люди шли на приходское кладбище, чтобы помолиться и зажечь свечу за умерших предков, встречались с дальними родственниками, покупали предметы религиозного культа и сладости детям. На религиозные праздники, которые назывались *фестами*¹³, ехали в соседние приходы – Колесники, Бутриманцы, Падбоже (сегодня на территории Литвы), Оссову, Жирмуны и т.д. В Дубичах (филиал приходского костела в Наче, сегодня в Литве), например, находилась чудотворная фигура Иисуса Христа. Местный краевед Мирон Нарбутт представил в воспоминаниях одно из таких празднований (Narbutt, 1937, с. 26). Наши респонденты также рассказывали о подобных поминках в Дубичи накануне Второй мировой войны:

Chodzili aż do Dubicz na Zielione Świątki. (...) Tam zawsze odpust. Tam Pan Jezus taki cudowny, chodzili. (...) Kiedyś było inaczej, teraz inaczej. (...) Pan Jezus cudowny. Idą na kolianach, wchodzi i mówio, że jak kto co modli się, prosi, to jakoś

¹³ Престольный (храмовый) праздник в честь покровителя приходского костела.

tak i Pam_Bóg tak ułoży. (...) Mama moja, [ja] była niewielka i, pani, u mnie były straszne wrzody, takie. To mama mówiła, dziatki, ja ciebie nosiła piechoto aż do Dubicz, ofiarowała, żeby Pam Bóg tobie dał wyczyszczać. U mnie było o jakby taki wrzod w garło, myśleli, że umrze... I to dawno, pani, dawno, Pan Jezus stareńki już taki stał, cudowny. Pan Jezus cudowny

[В Зеленые святки ходили аж в Дубичи. Там всегда был *фест*. Там Иисус Христос чудотворный, ходили. Раньше было иначе, нежели теперь. Иисус Христос чудотворный. Идут на коленях, входят и говорят, что, если кто-то молится, просит, то Бог этому поспособствует. Мама моя, я была маленькая и, пани, у меня были ужасные язвы, такие. То моя мама говорила: «Детка, я тебя пешком носила аж в Дубичи, пожертвовала, чтобы Бог помог тебе выдержать боль». У меня была такая язва на горле, думали, что я умру. Это давно, пани, Иисус Христос уже старенький такой стоял, чудотворный. Иисус Христос чудотворный] (1999, Люб БЯ).

Местные жители делились воспоминаниями о *фестах* и в других приходах, например, в Оссове:

Odpusty bardzo ładnie wyglądali. Bardzo dużo zjeżdżało się na odpust: i z Żyrmun z kościoła, parafii żyrmunskiej, trokielskiej, werenowskiej do nas przyjeżdżali. Bardzo dużo zbierało się ludzi. Tak, że u nas taki duży kościół i nie zmieszczali się ludzie w kościele. Pełno na cmentarzu było. Zbierali się, teraz tak nie zbierają się
[Празднование *фестов* выглядело очень красиво. На *фест* приезжало очень много людей: из Жирмун, с костела, с жирмунского, трокельского, вороновского приходов приезжали к нам. Очень много людей собиралось. На столько, что наш костел очень большой, а не помещались люди в костеле. На кладбище было полно. Собирались, теперь так не собираются] (1997, Пог АР).

Очень сильно на литовско-белорусском пограничье укоренился культ Девы Марии¹⁴. Выезд в Вильно¹⁵ с целью купить что-нибудь

¹⁴ Как параллель можно привести пример репатриантов из Виленщины, которые после Второй мировой войны, приехав на Мазуры, не хотели выходить из вагонов несмотря на то, что поезд в Ольштыне стоял несколько дней. Оставив в Вильно в Острой Бреме свою Богородицу, они стремились в Ченстохову, чтобы вернуть ее себе на Ясной Горе (Chłosta-Zielonka, 2014).

¹⁵ Несмотря на то, что современное название города звучит как Вильнюс, для

необходимое всегда проходил через часовню Матери Божьей Остробрамской.

Известная икона Пресвятой Девы Марии находится также в Трокелях. Гимн в ее честь пели уже в XVIII в. (Szymielewicz, 1939, с. 88; Nowak, [без даты], с. 134–135). Паломничество в Трокели (в первое воскресенье июля) было возобновлено в 1988 г., после 50-летнего перерыва, а в 1994 г. епископ Александр Кашкевич возвел храм в ранг епархиального санктуария. Сегодня в паломничестве участвуют тысячи верующих со всей Гродненской и также других епархий. Традиционно в мероприятии принимает участие много молодежи, ночью проводится всеночная св. служба с участием епископа.

Приход, как и кладбище, для наших респондентов – это место, которое «сближает» местное население. Так, например, понимала их смысл женщина, бабушка которой была уроженкой Браславского района и для которой приход был родиной и ценностью, соединяющей то, что общечеловеческое с тем, что национальное:

(...) zrozumiałam, co miała na myśli moja Babcia, która tłumaczyła mi kiedyś, że tam, na dawnych Kresach Rzeczypospolitej, ludzie nie byli tak bardzo jak teraz przywiązani do swojej narodowości. Obok siebie, w zgodzie, żyły przecież różne nacje. Tam Ojczyzna była utożsamiana z obszarem parafii i pojmowana jako wartość łącząca to co ogólnoludzkie z tym co narodowe. A polskość? Tyle się o niej mówi, wspominając Kresy. Polskość była tam ideą, wyborem moralnym i cywilizacyjnym (...)

[(...) я поняла, что имела ввиду моя бабушка, которая когда-то мне объясняла, что там, в давних окраинах Речи Посполитой, люди не были настолько, как сейчас, привязаны к своей национальности. Рядом, в согласии, жили разные нации. Родину там отождествляли с приходом и понимали ее как ценность, которая связывала то, что общечеловеческое с тем, что национальное. А «польскость»? Столько о ней говорят, вспоминая «кресы». «Польскость» там была идеей, моральным и цивилизационным выбором (...)] (Is, 2019, перевод наш).

жителей литовско-белорусского пограничья город по-прежнему носит историческое название Вильно или Вильня (в региональной языковой версии).

4. Социальные признаки: “свои” люди с подобным жизненным опытом и общими ценностями. Важное значение в контексте родины имеют люди, среди которых человек живет. Свои/наши люди – это не только семья и родные, это также соседи, та же этническая/национальная группа, люди, которые живут на той же территории, необязательно “одной веры”, “одной нации”, граждане одной страны, люди с подобным жизненным опытом.

Wyjeżdżało dużo, wyjeżdżało. Kum nasz Bielski wyjechał. Potem przyjechał, mówi, szkoda. I córka moja chrusna tam, Marysia była Bielskich. Mówi: „Mamusia, mamusia, pojechali, a co, nas inaczej nie nazywali, jak sawiety”. Mówi: „Szkoda, że my pojechali, żeby my tutaj byli, to zupełnie byłoby po drugiemu. A nas nikt nie uważa [szanuje] tam”. Nu młodsza jej siostra wyszła za mąż tam, w Polsce, (...) to ona w Zielonej Górze, zdaje się, to była przyjechawszy z mężem i dziewczynko swojo do mnie w gości, chyba już lat pięć temu ci może i sześć. Jak ona była, to ta mówiła mnie: „Dobrze”. Że teściowa moja bardzo dobra. A ta mówiła: „Szkoda, że wyjechali da Polsce tej”. Mówi: „Mamusia, żeby wiedziała, nikt nas za ludzi nie liczy – sawiety j sawiety. Po polsku nie umieli musi rozmawiać. Matka, to wszystko po polsku rozmawiała, Bielska, a dzieci, ja nie wiem. Oni w pindziesiąt jakim siódmym chyba roku wyjeżdżali, to już chodzili [do szkoły z rosyjskim językiem wykładowym]

[Выезжало много, выезжало. Наш кум Бельски выехал. Потом приехал, говорит: «Очень жаль». И моя крестная дочь там, Мариса Бельских. Она говорит: «Мамочка, мамочка, мы поехали, а нас никто иначе не называл, только советы». Говорит: «Очень жаль, что мы поехали, чтобы мы здесь остались, совсем все было бы по-другому. А там нас никто не уважает». Младшая ее сестра вышла там замуж, в Польше, так она в Зеленой Гуре, как мне кажется, приезжала со своим мужем и своей девочкой ко мне в гости, где-то лет пять тому, может шесть. Как она была, то мне говорила: «Хорошо». Что свекровь ее очень добрая. А эта говорила: «Жаль, что мы поехали в эту Польшу». Говорит: «Мамочка, чтоб ты знала, никто нас за людей не считает – советы и советы». Наверное, не умели по-польски разговаривать. Мать все это время по-польски разговаривала, Бельска, а дети, то я не знаю. Они в пятьдесят где-то седьмом выезжали, то дети ходили уже [в русскоязычную школу]] (1997, Пог AP).

Чувство „быть теми, кого не желают видеть и знать” – одна из причин, чтобы, несмотря на все трудности, остаться “у себя”, среди своих людей, с таким же жизненным опытом. Респонденты подчеркивали разницу не только между поляками и евреями в межвоенный период в своих родных местах, а также – между этническими поляками и поляками с восточных окраин:

nasze liudzie... [наши люди] (1999, Корг ЧА);

tut nasze liudzie, oni pracowite [здесь наши люди, они трудолюбивые] (1999, Корг ЧЮ);

bardzo było dużo żydów, naszych ludzi mało było [очень много было евреев, наших людей мало было] (1999, Повб Зн);

naszy Poliak; tamte Poliaczy liczo, że natto biedne my wszystkie [наш поляк; те поляки считают, что у нас все очень бедные] (1999, Корг ЧЮ);

Poliaki też nie natto lubio tych naszych tutaj Poliakow, dużo naszych w Krzyżu; tam pół ludzi naszych

[Поляки тоже не совсем любят этих наших, отсюда, поляков, много наших в Кшыже; там половина людей наших] (1999, Юр ВМ) и т.д.

5а. Культурные признаки: культурный центр. Весьма часто упоминается важный культурный центр – Вильно (Виленщина). Гродно (и Гродненщина) станет центром гораздо позднее и для младших поколений.

5б. Культурные признаки: язык/речь: „Несмотря на то, что польская речь сельских жителей была поводом для шуток и анекдотов, потому что слышался в ней белорусский и литовский субстрат, тем не менее она была польской” (Miłosz, 1996, с. 214, перевод наш). Язык, в данном случае польский, также сакрализуется самым старшим поколением. В младшем поколении такое отношение к польскому языку является скорее редкостью:

naszy był jenzyk, tak jak pisało w pismie [наш язык был такой, как в Библии] (1999, Стам ХВ)

Z dzieciństwa ja wyniosłem ogromne zamiłowanie do języka polskiego. Żeby ktoś mnie specjalnie uczył polskiego, to mnie nie uczyli. Ja chodziłem na kółko języka

polskiego, w domu zawsze słyszałem język polski. Tata mój rozmawiał dobrze po polsku, mama w mniejszym stopniu, ale bardzo dobrze babcia, będąc osobą bez wykształcenia, знаła kilka języków, w tym też litewski, polski też. Oczywiście, modlitwy, wiara, pacierz... to też, dla mnie wiara to jest język polski. Ja nie mogę inaczej wiary wyznawać, jak tylko w języku polskim, dla mnie jest to święte, tego w ogóle mnie nikt nie zabierze, to jest moje dziedzictwo. Ja do tego mam przekonanie z dzieciństwa. (...). Ja go chciałem słuchać, nauczyć się, nauczyć się czytać. (...). Zbierałem gazety i czasopisma, wycinałem, ceniłem sobie bardzo polską książkę, jeżeli trafiła do rąk, polską muzykę... Jak tylko się pojawiła polska telewizja, ja uczyłem się na pamięć polskich reklam. Polski był dla mnie czymś, czego bardzo pragnąłem

[С детства я вынес огромную любовь к польскому языку. Чтобы меня кто-то специально ему учил, то нет, меня не учили. Я ходил на кружок польского языка, дома я всегда слышал польский язык. Мой папа хорошо разговаривал по-польски, мама в меньшей степени, но очень хорошо знала бабушка, не имея образования, знала несколько языков, в том числе литовский, а также польский. Естественно, молитвы, вера, Отче наш... это также... для меня вера – это польский язык. Я не могу иначе веру исповедовать, только по-польски, это для меня свято, этого меня никто не лишит, это мое наследие. Я в этом уверен с детства. Я хотел слушать польский язык, выучить, научиться читать. Я собирал газеты и журналы, делал вырезки, я очень ценил польскую книгу, если попала в руки, польскую музыку... Как только появилось польское телевидение, я учил наизусть польские рекламы. Польский был для меня чем-то таким желанным] (2019, Вор ГР).

Даже, если старшие жители не знают польского языка на столько хорошо, чтобы употреблять его в коммуникации, то они чувствуют эмоциональную связь с ним, называя его “родным языком”. В данный момент язык выполняет, главным образом, символическую роль, не являясь языком общения.

6. Бытовые признаки: родина там, где хорошо жить

Отдельно стоит обратить внимание на позицию, которую проявляло население крестьянского происхождения. О ней А. Энгелькинг пишет как об отсутствии общности с “национальной или государственной идеологией”, “проявлении традиционного, часто называемого утилитарным и прагматическим, крестьянского отношения к государственной власти и государству” (Engelking, 2005, с. 72, перевод наш).

Есть люди, для которых деревня, в которой проживают, не является местом рождения, как, например, женщина, родители которой эмигрировали в США (она там и родилась), но по состоянию здоровья вынуждены были вернуться (девочке было тогда 2 года). У нее к понятию РОДИНА весьма прагматический подход, а отношение к разным властям и государствам довольно лояльно, несмотря ни на что. Тем не менее, даже ее высказывание характеризуется симпатией по отношению к Польше:

Już pomieszany jest człowiek. Jak jest, tak dobrze. Ojczyzna, wiesz, już po drugiemu – tam, dzie żyć dobrze, tu j dobrze. Wiesz, różne: byli te Ruskie, byli Poliaki, Niemcy byli i znów Ruskie byli, j teraz te Litwiny tutaj byli... , a różne. Nu alia dlatego za polskim lepiej było

[В человеке уже все перемешалось. Как есть, так хорошо. Родина, знаешь, уже по-другому – там, где жить хорошо. Знаешь, разные: были эти русские, были поляки, немцы были и опять русские, и теперь эти литовцы здесь были... разные. Но потому за польским лучше было] (1999, Чиж КК).

В опубликованных ранее работах подчеркивается, что жители польско-белорусско-литовского пограничья в основном проявляют позицию пассивности и лояльности к властям (ср. Engelking, 2005, с. 80; Smułkowa, 2011, с. 127; Chłosta-Zielonka, 2014, с. 22). Такая позиция не чужда и многим моим собеседникам.

7. Идеологические признаки: государственная принадлежность

Важно, однако, заметить, что в материале нашли отражение и противоположные суждения. “Давнейшие” люди родились на территории

Польши и Польша была для них краем детства¹⁶, с которым связаны самые приятные впечатления и воспоминания. Это беззаботное время, даже если надо было с ранних лет помогать по хозяйству, а жители крестьянских деревень и мелкодворянских околиц жили вообще довольно бедно.

Było ciężko, nu ale swoje, swój obyczaj, swoja tradycja, swoja wszystko. To, co trzeba, a teraz... Obchodzili te święta narodowe różne, trzeciego maja, jedenastego listopada, później... Trzeciego maja to Dzień Konstytucji, a jedenastego listopada, to Dzień Niepodległości. Byli takie organizacyi: Strzelcy¹⁷ tam, Krakusy¹⁸ takie, ładnie coś było, Stowarzyszenie Młodzieży¹⁹ było. Strzelcy to występowali już jakie święto narodowe, to już w szeregach stali, w formie poubierane takie, a Stowarzyszenie Młodzieży, to od księdza więcej zależało. Była prezeska Stowarzyszenia Młodzieży, była sakratarka i księży dowodzili.

[Было тяжело, но свое, свой обычай, своя традиция, свое все. То, что нужно, а теперь... Мы праздновали разные национальные праздники, третьего мая, одиннадцатого ноября. Третьего мая – День Конституции, а одиннадцатого ноября – День Независимости. Были разные организации: Стрельцы, Кракусы такие, красиво было, Общество молодежи было. Стрельцы выступали на национальных праздниках, стояли рядами, одетые в форму, а Общество молодежи, ну это уже зависело от ксендза. Была председатель организации, секретарь была, а ксендзы руководили (1999, Мат РВ);

¹⁶ М. Саевич подчеркивает, что весьма часто слово РОДИНА появляется именно как “край, где человек провел детство” (1993, с. 135). То же самое утверждает С. Оссовский (1946/1967).

¹⁷ Стрелковый союз [Związek Strzelecki] – парамилитарная организация, основанная в 1910 г. во Львове, члены которой занимались военной подготовкой и гражданским воспитанием молодежи.

¹⁸ Кракусы [Organizacja Przysposobienia Wojskowego Konnego Krakusi] – польская легкая кавалерия с периода Варшавского Герцогства; возродилась в межвоенный период XX в. как добровольческое движение военной конной подготовки, которое после 1932 г. развивалось во всей Польше.

¹⁹ Речь идет о Католическом обществе молодежи [Katolickie Stowarzyszenie Młodzieży] – организации, основанной в 1919 г., которая в 1934 г. была включена в состав Католической акции.

Chodzili do szkoły my, byli potym w Akcji Katolickiej²⁰, już w kościoła. Dziewczenta i chłopcy, dziewczynki byli w granatowych barecikach, białe bluzeczki, granatowe karawaty, granatowe spódniczki. Idziem na msza, przychodzim do kościoła. Bierza ten jeden chłopiec chorągiew i wszystkie idziem do kościoła.

[Мы ходили в школу, были в Католической акции, в костеле это уже. Девушки и юноши, девчонки носили синие береты, белые блузки, синие галстуки и синие юбочки. Идем на службу, приходим в костел. Один парень берет хоругвь и мы все идем в костел] (1999, Пов Зн);

Ja za polskim pamiętam jeszcze było takie stowarzyszenie, o u nas ksiądz zawsze w niedziela w miesiąc przyjedzie i zabawa zrobi, uognisko, i ksiądz, i muzyka, tam pograjo.

[При Польше я помню еще была такая организация, к нам ксендз всегда в воскресенье раз в месяц приедет и организует развлекательное мероприятие, костер, и ксендз, и музыка, поиграют...] (1999, Люб БЯ).

Приведенные цитаты свидетельствуют о том, что в межвоенный период формировалось польское национальное сознание местного населения и связь поляков с восточных окраин с этническими поляками посредством празднования тех же национальных праздников, принадлежности к тем же молодежным организациям, интеграционных мероприятий.

В языке наших респондентов, старейших жителей региона, наименования *Польша, польская земля* употребляются в более широком значении, чем в современном польском языке. Для них это не государство в сегодняшних границах, это II Речь Посполитая, край их рождения, их Отечество:

Polska – r'odzina [‘ojczyzna’]. *Ojczyzna nasza Polska*

[Польша – родина. Отечество наше – Польша] (2002, Чиж ЯБ).

mało, że kto jak rozmawia, a tu jest polska ziemia, nie żadna Białar’uś

²⁰ Католическая акция – организация светских католиков, основанная в 1876 г., чтобы противостоять секуляризации; в Польше развивалась в межвоенный период и после 1995 г.

[что с того, как кто разговаривает, здесь польская земля, а не никакая Беларусь] (1999, Рад ЧК).

Образ межвоенной Польши не размылся вместе с исчезновением II Речи Посполитой с политической карты мира. Они говорят о польском Вильне, польском Гродне. Так об этом пишет Чеслав Милош:

Wilnianin młodego pokolenia, jeżeli zostawał pod okupacją niemiecką żołnierzem AK, działał w zgodzie ze sobą i składał przysięgę wierności swojemu krajowi, tzn. Polsce w jej ówczesnych granicach. Nie mógł i nie powinien był rozumieć, że broni terytorium już położonego poza jego państwem. Kraj został włączony do Związku Radzieckiego jako republiki litewska i białoruska. (...) Niewątpliwie wilnianin ówczesny był już wtedy widziany przez Litwinów, Żydów, Białorusinów nie tak, jak widział sam siebie. Ale chcieć, żeby człowiek poddawał się osądowi innych, to chcieć za wiele.

[Если молодой житель Вильна в условиях немецкой оккупации становился солдатом Армии Крайовой, он действовал в согласии с собой и присягал на верность своей стране, то есть Польше в ее тогдашних границах. Он не мог и не должен был понимать, что защищает территорию уже за пределами своей страны. Его край был присоединен к Советскому Союзу как Литовская и Белорусская республики. (...) Несомненно, литовцы, евреи и белорусы видели тогдашнего виленца не таким, каким он видел сам себя. Но хотеть, чтобы человек подчинялся оценке других, значит хотеть слишком многого] (Miłosz, 1996, с. 215, перевод наш).

Символически звучат слова женщины из крестьянской семьи, которая припомнила следующий случай:

(...) przyszed taki z Dowgidancu i mówi tak na mego syna: „Wy baz r’odziny [родины]!” Tak ja mówia: „Czam ‘u?” – „Nu r’odziny waszaj nia m’a!” – Nu j nia m’a, pani. Tam Litwa, tu Litwa, tut Białoruś, a my tu Pulaki. Tu dzie nasza r’odzina? W Polska? Tak i wygląda, że my bez r’odziny! (...) Już popisane [собраны данные для переписи населения], tu już nie Białor’usy! [...] Tam jak rozmawiasz, tak, ale nacyjalność swoja, tu Polak. Nu ot i widzisz, my tak i żyjem, takie jak otszczepiency. Tak i jest. Jak te na Litwie, ten

szalczyninkajskie, tu oni chcieli nattu do Polskiej przyłonczyć się. Tuż tuż taka barb'a [борьба] był'a. Ja z mówia, po Grodzieńszczyźnie jaszcz'e wiencej Polaków, jak na Litwie, nu ale tak i żyje... Tu on tuż śmiał się, taki Przecis z moim synam (...). On każa: „Maj'a r'odzina, Litwin, a ty baz r'odziny”. Ja każu: „Czam'u ty, Rymas, tak?..” A on: „Ciocia, a tak i jest. Ja Litw'in, nu o Litw'a, a tuż Białar'uś, a wy tu Paliaki, nu j wy baz r'odziny.” Nu ja mówia: „Nu j prawda, tak ot i jest, ni taki, ni siaki, tam Litwa, tuż Białar'usy, a żyć tu musisz, tu tak ot i żyje sie...”

[Пришел один человек из Довгиданцов и говорит моему сыну: «Вы без родины!» Так я говорю: «Почему?» – «Ну родины вашей нет!» – Ну и нет, пани. Там Литва, здесь Литва, здесь Беларусь, а мы – поляки. Где же наша родина? В Польше? Так оно и выглядит, что мы без родины! Уже записаны (собраны данные для переписи населения), здесь не белорусы! Там, как разговариваешь, так, но национальность своя, это поляк. Вот видишь, мы так и живем, такие как отщепенцы. Так оно и есть. Как те в Литве, шальчининкайские, они очень хотели к Польше присоединиться. Такая борьба была. А я говорю, на Гродненщине еще больше поляков, чем в Литве, но мы так и живем. Так он здесь шутил, такой Пшетис с моим сыном. Он говорит: «Моя родина, литовец, а ты без родины». Я говорю: «Зачем ты, Римас, так?... А он «Тетя, так есть. Я литовец, вот Литва, а здесь Беларусь, а вы поляки, вот вы и без родины». Я говорю: «И правда, так и есть, не такой, и не сякой, там Литва, здесь белорусы, а жить здесь нужно, так здесь и живем...] (1999, Ен НМТ).

Выражение “люди без родины” относится исключительно к самому старшему поколению, родившемуся на рубеже XIX и XX вв. О детских годах в Польше старшие жители высказываются очень тепло и эмоционально, они тоскуют по временам принадлежности региона к Польше, по так называемом “польском часе”:

żeby teraz Polska zawitałaby, ja odmł'odniałby

[чтобы сейчас сюда пришла Польша, я бы помолодел] (1999, Стам ХВ);

my zostali tutaj, że to już stare, że tu będzie Polszcz, tu cza'kali Polszczy. Byli pojechalib, żeby to wiedzielib, że nie będzie Polszczy

[Мы здесь остались, были старые, потому что ждали, что здесь будет Польша, здесь Польшу ждали. Мы бы поехали, если бы знали, что не будет [здесь] Польши] (1999, Стам ЯВ).

Czy przyjdzie sie nam ojczyzny swojo doczekać?

[Сможем ли мы дождаться своей родины?] (1999, Мат МЛ).

Более того, предки многих из них воевали в восстании 1863 г. и польско-советской войне, некоторые были связаны с деятельностью Армии Крайовой.

Позиция разных поколений

В следующих поколениях происходит трансформация понятия РОДИНЫ. Об этом уже писалось, например, в воспоминаниях Януша Дунина-Горкавича, изданных под общим заглавием *Co było, a nie jest... czyli kilka lat młodości mojej w Wilnie* (Dunin-Horkawicz, 1991). Чеслав Милош оценил эту трансформацию как свидетельство перелома в восприятии родины:

(...) od nieokreślonych tęsknot ludzi, którzy opuścili tamte okolice jako już dorośli, do zgody młodszych pokoleń na nowe geograficzne centrum ich życia i wyobraźni

[от неопределенной тоски людей, которые покинули те места в зрелом возрасте, до согласия младших жителей на новый географический центр их жизни и воображения] (Miłosz, 1996, с. 225, перевод наш)

Младшее и частично среднее поколение, связанное с Гродненщиной как регионом Беларуси (уже не с Виленщиной), называет его *малой родиной* и *бацькоўскім кутком* (Golachowska, 2012, с. 83). Родина для них – это страна проживания (и рождения) – Беларусь. Разницу в трактовке идеологической родины на пограничных территориях заметила и славистка из Познани Анна Жебровска – уроженка Мядельщины. Еще в работе, изданной в начале второй декады XXI в., она писала, что в Мядельском районе малый процент молодежи указывает Беларусь как свою родину (Żebrowska, 2014, с. 350). Тем не менее, в 2019 г.

исследовательница с убеждением сообщила, что несмотря на языковую и культурную русификацию:

Białoruską narodowość deklarowała także młodzież szkolna w ankietach przeprowadzonych w 2014 roku. Wszyscy ankietowani w rubryce pod tytułem „narodowość” wpisali Białorusin/Białorusinka, motywując decyzję tym, że urodzili się na Białorusi, że jest to ich kraj, ich ojczyzna, którą kochają.

[Молодежь школьного возраста декларировала белорусскую национальность в анкетах, проведенных в 2014 г. Все опрошенные в графе под названием «национальность» вписали белорус/белоруска, мотивируя свой ответ тем, что родились в Беларуси, что это их страна, их родина, которую любят] (Żebrowska, 2019, s. 73, перевод наш).

Выводы

На основе выше изложенного попытаемся коротко представить когнитивную дефиницию РОДИНЫ самых старших жителей белорусско-польско-литовского пограничья.

Родина (на основании текстов польских периферийных говоров)

- 1) (гипероним) родина – это воображение человека о *территории/земле* (своя, собственная), на которой он родился и с которой связан эмоционально; край рождения
- 2) (субъект) родина (чья?) *человека, общественной группы*
3. (отношение субъекта) *любовь, тоска/ностальгия* (на чужбине), принятие (*можно жить*)
- 3) (окружение субъекта) *свои/наши люди*
- 4) (черты) *здесь человек родился, проводит детство, живет, здесь будет похоронен/здесь живет его семья, похоронены предки; здесь находится его школа, приход/культурный центр* и т.д.
- 5) (действия направленные на субъект) *здесь субъект рождается, его воспитывают, он учится, живет* и т.д.
- 6) (действия субъекта) *скучает, возвращается, забирает оттуда что-то на память, умирает* (но не предает)
- 7) (принадлежность) *государство в момент рождения и воспитания* (в том числе *патриотического*)

8. (эмоции) несмотря ни на что, это свое, близкое: *там хорошо, “быть у себя”*
9. (культура) язык семьи, церкви, школы; *традиция*.
10. (быт) пребывание, материальная стабильность.

Среди аспектов важных для понятия РОДИНА следует назвать: локативный, духовный (эмоции, чувства и т.д.), социальный, культурный, идеологический (государственный) и бытовой. Анализ материала показал, что ценности, сформированные западной цивилизацией (свободолюбие, частная собственность и т.п.), не были чужды людям, живущим на восточных окраинах II Речи Посполитой в межвоенное время (в северо-западной части Беларуси в послевоенное время) XX в.

Притеснение польского национального меньшинства советской властью, страх многих местных жителей перед депортацией, унижением и прочим, а позже перед трудностями в профессиональном развитии стали причиной выжидания и недекларирования открыто “настоящей” родины.

Жители пограничных территорий, где неизбежно взаимодействие соседних культур и языков, не всегда понимают и принимают исходящие от власти структуру и цели идеологической родины. По этой причине они “формируют” свой собственный образ/понятие/воображение родины/отечества, на который могут иметь большее влияние. Это чаще всего не национальные, а локальные сообщества и связь с землей отцов и дедов (ср.: Engelking, 2005, с. 80; Smułkowa, 2011, с. 127; Chłosta-Zielonka, 2014, с. 22).

Сегодня, как и в прошлом, можно говорить не только о пограничье территориальном, но и пограничье индивидуальном, которое относим к лицам, покинувшим одну землю, а ищущих безопасности, хлеба, лучших условий развития в другом месте. Свою родину ищут на чужбине сегодня многие жители Беларуси, в том числе представители национальных меньшинств, массово выехавшие/изгнанные из своих мест проживания после событий 2020 г. и после агрессии России на Украину 24 февраля 2022 г. Они ищут работу, человеческое понимание и доброту, тепло нового жилья. Тоскуют по родине²¹. Ищут ее заменитель. Найдут ли они его за границей Беларуси? Вопрос остается открытым.

²¹ Писательница Ирена Квинта в 60-ые гг. XX в. писала о девочке из Вармии,

Список респондентов²²:

- 1997, Кив НТ – ж., 1931, Янушишки/Киванцы
 1997, Пог АР – ж., 1922, Погородно
 1999, Ен НМТ – ж., 1927, Енчи
 1999, Корк ГК – ж., 1925, Коркутяны
 1999, Корк ЧЮ – м., 1918, Коркутяны
 1999, Корк ЧА – ж., 1922, Коркутяны
 1999, Люб БЯ – ж., 1920, Любянцы
 1999, Мат МЛ – ж., 1926, Матюнцы
 1999, Мат РВ – ж. 1922, Гервелянцы/Матюнцы
 1999, Мат ТМ – ж. 1922, Гервелянцы/Матюнцы
 1999, Рад ЧК – ж., 1944, Радунь
 1999, Ровб Зн – ж., 1920, Ровбишки
 1999, Стам ХВ – м., 1915, Гаворские/Стамеровщина
 1999, Стам ЯВ – ж., 1922, Гаворские/Стамеровщина
 1999, Чиж КК – ж., 1919, Чижуны
 1999, Юр ВМ – ж., 1935, Юрели
 2002, Чиж ЯБ – м., 1930, Чижуны
 2019, Вор ГР – м., 1977, Вороново

DR HAW. JADWIGA KOZŁOWSKA-DODA, PROF. UMCS

Wydział Filologiczny
 Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie
 Pl. M. Curie-Skłodowskiej 4A, 20–031 Lublin
 jadviga.kozłowska-doda@mail.umcs.pl

полунемке, полупольке: (...) *dziewczyna szukająca ciepła domowego ogniska, wiary w człowieka i dobro... i swojej ojczyzny. Zdawało mi się, że ją odnalazła. Czy tylko się zdawało?* [девушка, которая искала тепло домашнего очага, веру в человека и добро... а также свою родину. Мне казалось, что она ее нашла. А может так только казалось?] (Kwinta, 2014, с. 193, перевод наш).

²² Мы указываем дату записи, сокращение населенного пункта и инициалы респондента, после тире – пол, год рождения и место жительства. Если населенный пункт записан с использованием знака /, это обозначает, что первое название – деревня, которая не существует, второе – в настоящее время дом респондента принадлежит соседнему населенному пункту.

Литература

- Bartmiński, J. (1993). Polskie rozumienie ojczyzny i jego warianty. B: J. Bartmiński (red.). *Pojęcie ojczyzny we współczesnych językach europejskich* (23–48). Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej.
- Bartmiński, J. (red.). (1993). *Pojęcie ojczyzny we współczesnych językach europejskich*. Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej.
- Brzozowska, M. (2006). O przebiegu badań nad zmianami w rozumieniu nazw wartości w latach 1990–2000. B: J. Bartmiński (red.). *Język – wartości – polityka. Zmiany rozumienia nazw wartości w okresie transformacji ustrojowej w Polsce. Raport z badań empirycznych* (36–43). Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Budźko, I., Charytoniuk, G. (rozmawiały w 2005 r.). (2011). Teksty mówione polskie: Słobódka, Polka, katoliczka, urodzona we wsi Jankowszczyzna; lat 77, ukończyła 10 klas szkoły powszechnej w Drujsku. B: Smułkowa, E. (red.). *Brasławszczyzna. Pamięć i współczesność*. T. 1: *Historia regionu. Charakterystyka socjolingwistyczna. Świadczenie mieszkańców* (336–354). Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Chłosta-Zielonka, J. (red.). (2014). *Szukanie ojczyzny. Antologia wspomnień mieszkańców Warmii i Mazur o latach powojennych*. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego.
- Dunin-Horkawicz, J. (1991). *Co było, a nie jest... czyli kilka lat młodości mojej w Wilnie*. Łódź: Poprzednia Oficyna.
- Engelking, A. (2004). Etnograf wobec stereotypu „Polaka z Kresów”: Z przemysłów w 10-lecie badań terenowych na Grodzieńszczyźnie. B: A. Kuczyński, M. Michalska (red.). *Kultura i świadomość etniczna Polaków na Wschodzie: tradycja i współczesność* (231–240). Wrocław: Uniwersytet Wrocławski.
- Engelking, A. (2005). *Być u siebie, czyli między wspólnotą lokalną i narodową. Wizerunek społeczności Gródka przy granicy polsko-białoruskiej*. B: J. Kurczewska, H. Bojar (red.). *Granice na pograniczach* (67–100). Warszawa: Wydawnictwo IFiS PAN.
- Engelking, A. (2012). *Kołchoźnicy. Antropologiczne studium tożsamości wsi białoruskiej przełomu XX i XXI wieku*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika.
- Engelking, A. (2023). O białoruskiej rewolucji z perspektywy antropologii wsi. B: R. Kaleta (red.). *Odkrywając Białoruś... 65-lecie białorutenistyki na Uniwersytecie Warszawskim*. (175–188). Warszawa: Wydawnictwa UW.
- Golachowska, E. (2012). *Jak mówić do Pana Boga? Wielojęzyczność katolików na Białorusi na przełomie XX i XXI wieku*. Warszawa: Instytut Sławistyki PAN.
- Grek-Pabisowa, I., Ostrówka, M., Jankowiak, M. (2017). *Słownik mówionej polszczyzny północnokresowej*. Warszawa: Instytut Sławistyki Polskiej Akademii Nauk (na prawach rękopisu).
- Is, J. (2019, 30 октября). *Ukłańskie mogiłki*. Режим доступа: https://www.facebook.com/plugins/post.php?href=https%3A%2F%2Fwww.facebook.com%2Fpermalink.php%3Fstory_fbid%3D1416678235164036%26id%3D100004656198468&.
- Kozłowska-Doda, J. (2019). Przesiedleńcy ze strefy wykluczenia po katastrofie atomowej w Czarnobylu: problemy z zadowianiem się w nowej przestrzeni. *Journal of Urban Ethnology*, 17, 149–170.

- Kozłowska-Doda, J. (2021). *Tożsamość, losy i język najstarszych mieszkańców okolic Dociszek na Białorusi (na podstawie badań terenowych z przełomu XX i XXI w.)*. Lublin: Wydawnictwo Werset.
- Kwinta, I. (2014). *Rita. B: Szukanie ojczyzny. Antologia wspomnień mieszkańców Warmii i Mazur o latach powojennych (190–194)*. Сост. Joanna Chłosta-Zielonka. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego.
- Łatyszonek, O. (1995). *Białoruskie formacje wojskowe 1917–1923*. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne.
- Łatyszonek, O. (2022). *Europa Wschodnia w zderzeniu cywilizacji. Historia, problemy narodowościowe i stosunki międzynarodowe w koncepcjach pluralizmu*. Białystok: Instytut Badań nad Dziedzictwem Kulturowym Europy.
- Miłosz, C. (1996). *Szukanie ojczyzny*. Wyd. II. Kraków: Wydawnictwo „Znak”.
- Narbutt, M. (1937). Lida i powiat lidzki z przed stu laty. Pamiętnik. *Ziemia Lidzka*, 5, 56.
- Niebrzegowska-Bartmińska, S. (2017). Jakie dane są relewantne etnolingwistycznie? *Etnolingwistyka*, 29, 11–29.
- Nowak, T. [без даты]. *Moje Trokiele*. Режим доступа: http://trokiele.pl/_img/moje_trokiele.pdf.
- Ossowski, S. (1946/1967). Analiza socjologiczna pojęcia ojczyzna. B: Ossowski, S. (1967). *Z zagadnień psychologii społecznej* (201–226). Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Rieger, J. (2014). *Słownik polszczyzny gwarowej Braśławszczyzny*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Sub Lupa.
- Rybacki, S. (2014). Trzy etapy na drodze w nieznanie. B: J. Chłosta-Zielonka (сост.). *Szukanie ojczyzny. Antologia wspomnień mieszkańców Warmii i Mazur o latach powojennych* (53–61). Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego.
- Sajewicz, M. (1993). Wyobrażenie „małej ojczyzny” w białoruskojęzycznych wspólnotach wiejskich na Białostocczyźnie. B: J. Bartmiński (ред.). *Pojęcie ojczyzny we współczesnych językach europejskich* (127–140). Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej.
- Siekierski, S. (1995). *Kulturotwórcze funkcje parafii katolickich w społecznościach lokalnych w świetle pamiętników*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Smułkowa, E. (2002). O wieloznaczności pojęcia „polak”, „polski” na Białorusi. (Z doświadczeń badacza i dyplomaty). B: E. Smułkowa (ред.). *Białoruś i pogranicza: studia o języku społeczeństwie* (552–563). Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Smułkowa, E. (ред.) (2011a). *Braśławszczyzna. Pamięć i współczesność*. T. 1: *Historia regionu. Charakterystyka socjolingwistyczna. Świadectwo mieszkańców*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Smułkowa, E. (2011b). Sytuacja socjolingwistyczna i proces konwergencji języków na Braśławszczyźnie w świetle badań terenowych (1997–2007). B: E. Smułkowa (ред.). *Braśławszczyzna. Pamięć i współczesność*. T. 1: *Historia regionu. Charakterystyka socjolingwistyczna. Świadectwo mieszkańców* (101–140). Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Szymielewicz, M. (1939). Dworzyszczce i Trokiele. *Ziemia Lidzka*, IV, 3, 82–91.

- Tarasiuk, D. (2007). *Między nadzieją a niepokojem. Działalność społeczno-kulturalna i polityczna Polaków na wschodniej Białorusi w latach 1905–1918*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Żebrowska, A. (2014). Tożsamość czy tożsamości – wstępne refleksje na temat samo-identyfikacji mieszkańców białorusko-litewskiego pogranicza (na podstawie badań empirycznych przeprowadzonych w regionie miadziołskim obwodu mińskiego). B: E. Golachowska, A. Zielińska (red.). *Konstrukcje i destrukcje tożsamości. Narracja i pamięć* (t. 3, 341–353). Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy.
- Żebrowska, A. (2019). *Komarowszczyzna. Język pogranicza białorusko-polsko-litewskiego*. Poznań: Wydawnictwo UAM.
- Абламейка, С. (2022, 29 сентября). *Прафэсар Латышонак: «русский мир» сканае хутка, а Беларусь непазьбежна стане часткай Захаду*. Режим доступа: <https://www.wsvaboda.org/a/32054615.html>.
- Бартминьский, Е. (1986/2005). Чем занимается этнолингвистика? В: *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике* (23–32). Перев. с польск. Е. Березович. Москва: Индрик.
- Бартминьский, Е. (1988/2005). Когнитивная дефиниция как способ описания коннотации. В: *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике* (55–67). Перев. с польск. Л. Феоктистова. Москва: Индрик.
- Бартминьский, Е. (1990/2005). Точка зрения, перспектива, языковая картина мира. В: *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике* (87–104). Перев. с польск. М. Завьялова. Москва: Индрик.
- Бартминьский, Е. (1993/2005). О профилировании понятий в этнолингвическом словаре. В: *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике* (47–54). Москва: Индрик.
- Бартминьский, Е. (1994/2005). Как изменяется стереотип немца в Польше? В: *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике* (254–278). Перев. с польск. Е. Левкиевская. Москва: Индрик.
- Бартминьский, Е. (1998/2005). Принципы лингвистических исследований стереотипов на примере стереотипа «мать». В: *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике* (188–213). Перев. с польск. Е. Левкиевская. Москва: Индрик.
- Бартминьский, Е., Небжеговска, С. (1998/2005). Профили и субъективная интерпретация мира. В: *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике* (105–114). Перев. с польск. М. Ясинская. Москва: Индрик.
- Казлоўская-Дода, Я. (2015). *Паняцце ДОМ у сучаснай беларускай мове*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Прохарова, С. (1993). “Мой родны кут, як ты мне мілы...” Радзіма ў беларускай мове. В: J. Bartmiński (red.) *Pojęcie ojczyzny we współczesnych językach europejskich* (141–156). Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej.
- Смалянчук, А. (2009). *Белорусские поляки или поляки в Беларуси*. Режим доступа: http://autary.iig.pl/smalanchuk/artykuly/palaki/palaki_ru.htm.